

ПСИХОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ

“ИНФОРМАЦИОННАЯ” И “ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ” МОДЕЛИ ВЛИЯНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭМОЦИИ

© 2004 г. А. А. Горбатков

*Кандидат психол. наук, доцент института педагогики и психологии Свентокшиской академии,
Кельце, Польша*

Представлены две модели влияния результатов деятельности на эмоции, опосредованного двумя группами факторов, условно названных “информационными” и “энергетическими”. “Информационная” и “энергетическая” модели отличаются одна от другой соотношением немонотонных одновершинных асимметричных кривых позитивных и негативных эмоций, обуславливающих противоположность нелинейной синусоидальной динамики эмоционального баланса по мере роста результата деятельности (падение–рост–падение в первой модели и рост–падение–рост во второй) и взаимное подобие кривых эмоциональной активации. Выделенным в информационной и энергетической моделях модальным зонам активности, соответствующим особенностям большинства действий, выполняемых в обычных условиях, свойственны сходные колоколообразные кривые положительных эмоций и противоположные по характеру кривые трех других измерений эмоций: монотонные кривые отрицательных эмоций (соответственно нисходящая и восходящая) и инвертированные J-образные кривые эмоциональной активации (с тенденциями соответственно снижения и роста), и эмоционального баланса (с тенденциями соответственно роста и снижения). Рассмотрены некоторые аспекты использования описанных моделей в исследовательской работе.

Ключевые слова: эмоции, результативность деятельности, информационная и энергетическая модели.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия наука, действуя в русле общей тенденции гуманизации общественного сознания, все в большей степени стремится дать людям знание не только о факторах, которые обуславливают эффективность выполняемой индивидом деятельности и полезность ее результатов для общества, но и о том, от чего зависит их полезность для самого индивида. Одним из наиболее значимых проявлений участия психологии в этом процессе является разработка проблемы влияния результатов деятельности на связанные с ней эмоции, на эмоциональное благосостояние, эмоциональный статус индивида. Представляемая здесь работа выполнена в рамках указанной проблематики и посвящена рассмотрению некоторых ее аспектов.

Как показывают обзорно-аналитические исследования, накопленный в науке эмпирический материал говорит в пользу существования статистически значимой прямой зависимости знака переживаемых человеком эмоций от уровня выполнения деятельности [36, 46, и др.], что, конечно, не является удивительным, если принять во внимание здравый смысл: рост продуктивности индивида, повышая возможность удовлетворения соответствующих потребностей, должен повлечь за собой улучшение его эмоционального состояния. Удивляет другое, а именно следующие два факта: факт незначительной (однако, значимой) тесноты указанной зависимости в большинстве обследо-

ванных выборок и то, что в некоторых выборках (а их не так мало) эта зависимость является обратной. Найден ряд модераторов, опосредующих зависимость эмоциональных состояний индивида от результатов деятельности и в определенной степени объясняющих такую картину данных. Среди них: возраст, пол, социально-психологический климат в организации, статус индивида в ней (руководители и исполнители), параметры вознаграждения за работу, степень вовлеченности индивида в деятельность, уровень притязаний, межличностные сравнения и т.д. (см., напр., [1, 12, 16, 48, 50, 57]). Предпринимаются также попытки изучения следующих двух возможных причин получения исследователями вышеуказанных “парадоксальных” результатов. Первая из них состоит в традиционном упрощенном понимании эмоциональной переменной как одномерного биполярного образования, сводящем его к дихотомиям типа “удовлетворен–неудовлетворен”. Вторая заключается в традиционном упрощенном предположении, что ее зависимость от эффективности деятельности является линейной (см., напр., [7, 8]). Наряду с перечисленными, перспективным представляется углубленное изучение двух факторов-модераторов, которые условно могут быть названы информационным (или когнитивно-информационным) и энергетическим (или мотивационно-энергетическим). Есть основания полагать, что разные их конфигурации могут весьма существ-

венно модифицировать зависимость эмоций индивида от результатов его деятельности.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выполнение любой деятельности обусловлено, по крайней мере, двумя факторами. Первый представляет собой программу деятельности, формируемую при посредстве познавательных процессов на основе информации, релевантной ситуациям данной категории. Второй выступает в виде активируемых мотивационными процессами затрат энергии, необходимых для реализации данной программы на определенном уровне результативности. Понятия, в большей или меньшей степени соответствующие такого рода факторам, занимают существенное место в работах по мотивационно-деятельностной проблематике и выступают в разнообразных формах. Для обозначения детерминант результата деятельности и детерминант его влияния (посредством процессов атрибуции) на последующую активность, самочувствие, самооценку и др. многие авторы используют термины вроде “умений” (или/и “способностей”) и “усилий” (см., напр., [15, 32, 42]). Широко известные в данной проблемной области понятия “направляющих и динамических переменных”, которые К.Б. Мадсен [43], например, употребляет в качестве обобщающих для анализа наиболее известных мотивационных концепций, также имеют соответственно информационный и энергетический характер. Первыми рассматриваются разного рода когнитивные процессы, а также образования типа навыков; вторыми – мотивационно-побудительные, активационные процессы, обеспечивающие мобилизацию энергии и детерминирующие интенсивность поведения. Важность использования обсуждаемых понятий как взаимно дополняющих для понимания регуляционно-поведенческих процессов ясно обозначилась уже в 50-е гг. прошедшего столетия. Э. Даффи [30] считала, что любые виды поведения можно описать как различающиеся по направлению и интенсивности. Последнее понятие она связывала с понятиями активации, возбуждения, мобилизации энергии. Близкие понятия, хотя и в несколько ином контексте, использовал Д. Хебб [34], выделив две основные функции стимуляции. Первая связана с приданием поведению направления (сигнальная функция), другая выступает как его энергетическая основа (активация)¹.

¹ Я. Стреляу [56] утверждает, что в зависимости от различий в исследовательских подходах для обозначения энергетических аспектов физиологических и бихевиоральных процессов разные авторы пользуются различными понятиями, такими как активация, возбуждение, мобилизация энергии, интенсивность поведения, готовность к реакции, бдительность и др.

Истоки таких представлений можно найти в работах И.П. Павлова, К.Л. Халла и др.

Сходные структурные идеи реализуются в психологии личности. У Р.Б. Кеттелла [20], к примеру, найдем деление личностных черт на интеллектуальные (разного рода когнитивные способности) и динамические², что также характерно и для ряда других “старших” теорий личности (см., напр., [41]). Что касается более “молодых” концепций, то, например, в разных вариантах “большой пятерки” под разными названиями можно обнаружить группы черт, имеющих “информационно-направляющую” и “энерго-динамическую” специфику (см., напр., [27]). Так, Дж. Дигман [27] в разработанной им пятифакторной структуре личности выделяет интеллект и волю достижения. Структура NEOAC П.Т. Косты и Р.Р. МакКрэя [23] содержит факторы “О” (восприимчивость к новому опыту, интеллект, креативность, неконвенциональность и др.) и “С” (добросовестность, ответственность, сильная воля, склонность действовать, настойчивость в реализации целей, “трудоголизм” и др.). Как показал Дж. Дигман [28], вторичная факторизация “большой пятерки” дает два наиболее общих (вторичных, “высокопорядковых”) фактора – Альфа и Бета. При этом первичные факторы “О” и “С” входят в разные вторичные факторы (первый – в Бета, второй – в Альфа) с весьма существенными нагрузками, что, как можно судить, придает этим “суперфакторам” соответственно информационный (Бета) и энергетический (Альфа) характер.

Имеющие информационную и энергетическую окраску понятия занимают также значимое место в обыденно-практических словарях, характеризующих людей разных родов занятий. Применительно к трудовой деятельности говорят, с одной стороны, о “профессионализме”, “квалификации”, “компетентности”, “способностях” работника (относительно работников науки популярны также слова “талант” и “эрудиция”), а с другой – о его “энергичности”, “активности”, “трудолюбии”, “работоспособности”. Применительно к школьной практике это: с одной стороны, знания, способности ученика, с другой – его старательность. На художественном уровне такого рода деления отражаются, например, в традиционных образах не слишком трудолюбивого гения и не слишком талантливое трудолюбца (“Моцарт и Сальери”). Во всех перечисленных и им подобных случаях рассматриваемым переменным приписывается роль важных факторов продуктивности деятельности. Совокупность пе-

² Первая группа черт детерминирует потенциальную верхнюю границу уровня результативности деятельности, вторая – уровень ее интенсивности (активности). Наряду с ними Кеттелл выделяет черты темперамента, определяющие индивидуальный стиль деятельности.

ременных первой группы мы будем условно называть информационным (или когнитивно-информационным) фактором, совокупность второй – энергетическим (или мотивационно-энергетическим) фактором³.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ КАК МОДЕРАТОРЫ ЗАВИСИМОСТИ ЭМОЦИЙ ОТ РЕЗУЛЬТАТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В контексте проблемы зависимости эмоций, связанных с выполняемой деятельностью, от ее результата информационный и энергетический факторы могут рассматриваться как модераторы – опосредующие переменные, влияние которых на указанную зависимость может менять ее характер. Если говорить о *линейных* (или *монотонных*) связях, то в основе представления о прямой зависимости баланса положительных и отрицательных эмоций от продуктивности деятельности (например, удовлетворенности ее результатами), подкрепленного множеством эмпирических данных⁴, лежит допущение (чаще неявное) о ведущей опосредующей роли скорее информационных, чем энергетических факторов – допущение того, что величина результата растет быстрее цены, которая за него платится, что и позволяет ожидать повышения удовлетворенности субъекта своими растущими успехами. Допущение же ведущей опосредующей роли скорее энергетических факторов, чем информационных (затраты на деятельность растут быстрее, чем ее результат) может служить одним из объяснений, имеющих в большом количестве литературных данных (см., напр., [36]), об обратной зависимости удовлетворенности деятельностью от уровня ее выполнения. Такого рода гипотезы были выдвинуты и в определенной степени подтверждены В.С. Магуном [12] на материале трудовой деятельности.

Между тем есть основания полагать, что возможны зависимости противоположного характера: рост результата, сопровождаемый уменьшающейся его ценой, может порождать ухудшение баланса положительных и отрицательных эмоций, а рост результата, сопровождаемый повышением его цены, способствует улучшению эмоционального баланса. Первое наблюдается, например, в процессе автоматизации деятельности,

когда при растущей ее успешности и уменьшающейся трудности более быстрое падение положительных эмоций в сравнении с отрицательными обуславливает снижение эмоционального баланса (см., напр., [7, 8]). Второе можно наблюдать в тех случаях, когда заинтересованность в слишком легкой деятельности заставляет нас усложнять ее, делать более трудной и тем самым увеличивать необходимые для ее выполнения затраты. В такой ситуации деятельность все большим уровнем трудности, активизируя и выводя нас из состояния монотонии, а также позволяя реализовать нам свой потенциал, может становится более привлекательной. На это указывают, например, полученные экспериментальным путем данные о том, что и человек (относительно независимо от культурно-нормативных факторов), и животные в условиях одинаково награждаемых действия и бездействия первое предпочитают второму [53]. Изучение “естественных” деятельности человека обычно дает сходные результаты: очень легкая трудовая (см., напр., [16, 24, 48]) или учебная (см., напр., [26]) деятельность, как правило, является менее привлекательной, чем та, которая представляет собой некоторый “вызов” субъекту.

Существование такого рода зависимостей наряду с вышеупомянутыми зависимостями противоположного типа порождает предположение о том, что вместе они могут выступать как части некоторых более сложных целостностей, имеющих нелинейный (немонотонный) характер (см., напр., [7, 8]). При этом немонотонность зависимости эмоционального баланса от результата деятельности может иметь разные варианты зависимости от результата первичных по отношению к эмоциональному балансу переменных, а именно положительных и отрицательных эмоций (см., напр., [21]). Опосредующая роль энергетических и информационных факторов именно в аспекте *нелинейных* (немонотонных) зависимостей эмоций как *многомерных* образований, от результата деятельности и выступает предметом обсуждения в настоящей работе⁵. Прежде чем приступить к нему, охарактеризуем используемые нами **основные понятия**. Что касается *независимых переменных*, то, употребляя понятие “результат” (результативность) деятельности, мы имеем в виду непосредственный ее продукт, “приобретения”, сделанные субъектом вследствие ее выполнения, отличая его от понятия успешности (эффективности), – соотношения между результатом и затратами на его получение, между “приобретениями” и “потерями”, “доходами” и “расходами”. В качестве *зависимых переменных* мы будем рассматривать не только измерение эмоционального баланса, наиболее популярное в литературе по

³ Использование парной терминологии “информация” и “энергия” достаточно часто встречается в психологической литературе в контексте сравнительного анализа познавательных и эмоционально-мотивационных процессов (см., напр., [2, 37, 58]).

⁴ В исследованиях чаще всего обнаруживается значимая, хотя и весьма умеренная по тесноте (0.15–0.25) средняя величина положительной корреляции между этими переменными (см., напр., [36]).

⁵ Эта задача была поставлена в наших предыдущих публикациях на эту тему [7, 8].

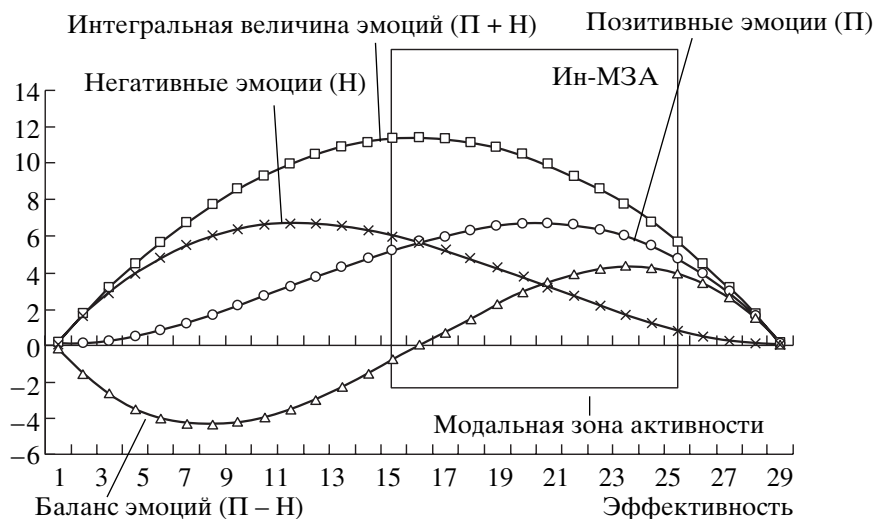

Рис. 1. Эскиз модели зависимости основных измерений эмоций от эффективности деятельности (от результата деятельности при ведущей опосредующей роли информационных факторов — “ин-модель”).

данной проблеме, но все четыре основные измерения эмоций: положительные и отрицательные (рассматриваемые как относительно независимые переменные — см., напр., [6]), а также эмоциональный баланс и эмоциональную активацию (интегральную величину эмоций)⁶. В качестве *модераторов* зависимости эмоциональных переменных от деятельности будем рассматривать информационные и энергетические факторы, понимая под первыми релевантные выполняемой деятельности способности и опыт (знания, умения, навыки), под вторыми — разного рода затраты, расходы, потери, связанные с реализацией этой деятельности. Соответственно представления или модели, акцентирующие роль одного из этих модераторов, мы будем относить к типу “информационных” или “энергетических”. Понятия “информационный” и “энергетический” во всех этих случаях мы употребляем как в значительной степени условные — отсюда кавычки в названии статьи и заголовках разделов и их подразумевание в тексте.

“ИНФОРМАЦИОННАЯ” МОДЕЛЬ

Допущение о ведущей опосредующей роли скорее информационных, чем энергетических факторов, лежит в основе нелинейной асимметричной модели зависимости основных измерений эмоций от эффективности деятельности (рис. 1),

⁶ Эмпирическая интерпретация второй пары измерений в данной работе сводится к часто встречающемуся в литературе аддитивному их пониманию как разности и суммы показателей положительных и отрицательных эмоций, что в значительной степени соответствует факторной интерпретации этих измерений. Подробнее о проблемах, связанных с указанными четырьмя основными измерениями эмоций, см. в [7].

которую мы разработали в результате попытки интеграции литературных данных [7, 8, 33], и которую в контексте данной работы можно назвать “информационной” (“ин-моделью”). Модель эта относится к ситуации, когда рост результативности обеспечивается растущим по мере освоения деятельности опытом, повышающимся уровнем ориентировки в ситуациях данной категории при одновременном падении (или более медленном росте) уровня необходимых для ее осуществления затрат⁷. Основные тенденции динамики эмоций в этом процессе, отражаемые моделью, являются следующими. По мере роста успешности деятельности⁸ — от некоторого условно-предельного нуля до некоторой условно-предельной единицы — как отрицательные, так и положительные эмоции сначала растут (первые растут быстрее, чем вторые), затем — после достижения максимума при некоторых промежуточных уровнях эффективности — падают. При этом для отрицательных эмоций перелом наступает раньше, чем для положительных, а падают вторые быстрее, чем первые. Описанная динамика отрицательных и положительных эмоций детерминирует динамику их баланса и интегральной величины. Наблюдаемое на начальных этапах освоения ситуации ухудшение (увеличение степени негативности) эмоцио-

⁷ Вспомним пресловутый удар молотком, которого оказалось достаточно известному физику, чтобы исправить поломку в сложном (и дорогом) двигателе. На вопрос владельца двигателя, за что же платить (была обещана награда в 1000 долларов, поскольку никто из ранее пытавшихся решить проблему специалистов ничего сделать не смог), если ремонт оказался таким легким, ответ был — за знания.

⁸ Напомним, что под успешностью мы понимаем соотношение между результатом деятельности и затратами на его получение.

нального баланса сменяется его улучшением в границах области промежуточных степеней трудности с наступающим далее новым его ухудшением (уменьшением степени позитивности). Одновременно с этим интегральная величина эмоций сначала растет, затем – после достижения максимума при среднем уровне эффективности – падает (рис. 1).

Есть основание считать, что характерные для принадлежащего к большинству (“модальной популяции”) среднего, нормального человека, функционирующего в обычных условиях, уровни выполнения им основных деятельностей не охватывают целого, теоретически возможного континуума эффективности. Такой человек функционирует в границах несколько “позитивно” смещенной промежуточной зоны этого континуума – зоны, определяемой критическими для него нижними и верхними порогами новизны и сложности деятельности. Функционирование в границах этой деятельностной “ниши” – так называемой *модальной зоны активности* (МЗА) – позволяет человеку решать следующие основные задачи: не выполнять деятельности настолько трудные (очень низкая эффективность), чтобы перевес потерь над достижениями приводил к опасности снижения уровня его функционирования; не выполнять деятельности настолько легкие (очень высокая эффективность), чтобы возникала угроза развитию индивида, т.е. его своевременному переходу на более высокий уровень функционирования; выполнять деятельности такого уровня трудности (скорее легкие, чем трудные), который делает возможным выраженный позитивный баланс достижений и потерь (т.е. достаточно высокую эффективность – позиция на шкале эффективности между очень высоким и средним ее значениями). Иное соотношение достижений и потерь в большинстве выполняемых деятельностей не могло бы обеспечить людям реализацию не только требующей больших “инвестиций” функции “развития”, но даже менее энергоемкой функции “сохранения”. Указанное гипотетическое расположение МЗА позволяет предположить следующие кривые (рис. 1)⁹ динамики эмоций по мере роста результативности деятельности, обеспечиваемого не столько энергетическими, сколько информационными факторами в большинстве выборок обычных людей, функционирующих в обычных условиях: монотонную нисходящую кривую для отрицательных эмоций; колоколообразную кривую для положительных эмоций; инвертированную *J*-образную кривую с тенденцией

роста для баланса положительных и отрицательных эмоций; инвертированную *J*-образную кривую с тенденцией снижения для интегральной величины эмоций. Результаты поискового эмпирического исследования [8] в значительной степени подтвердили эти гипотезы.

РАЗРАБОТКА “ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ” МОДЕЛИ

В обзорно-аналитических работах, посвященных проблеме зависимости эмоций, связанных с выполняемой деятельностью, от ее результатов, обычно упоминается определенный процент данных об обратных корреляциях между этими переменными. В одном из наиболее репрезентативных обзоров [36], где рассмотрено 217 эмпирических зависимостей (при общем объеме обследованных выборок $n = 12\,192$) приведена 41 (19%) обратная корреляция между уровнем выполнения работы (в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, медицине, науке и др.) и удовлетворенностью разными ее аспектами – чем выше результат, тем ниже удовлетворенность. Если учесть доминирующий среди людей (в том числе специалистов) характер представлений на эту тему (рост продуктивности, повышая возможность удовлетворения потребностей, должен повлечь за собой улучшение эмоционального состояния человека), то такое число обратных корреляций должно быть признано немалым. При этом есть основания утверждать, что оно является существенно заниженным. Причина – явление, на которое обратил внимание В.С. Магун [12]: в каждой, или почти каждой сравнительно большой и разнородной выборке можно найти связи обоих типов, в одной части выборки – прямую, в другой – обратную (см. также [9]). Однако при обработке всего массива данных, полученных в такой выборке, обратная зависимость, будучи обычно более слабой, не проявляется непосредственно, а лишь опосредованно, ослабляя более сильную прямую зависимость [12]. Указанное соображение заставляет смотреть на феномен обратной зависимости баланса эмоций (связанных с выполняемой деятельностью) от ее результатов как на еще более значимый и достойный внимания исследователей, чем это имело место до сих пор. Такого рода линейную обратную зависимость баланса эмоций от результата деятельности индивида графически можно выразить в виде представленной на рис. 2 линейной модели, которую можно отнести к типу “энергетических” (“энергия–результат–эмоции”), поскольку, как было указано выше, убедительное [12] (хотя и не единственное – см. [5, 7, 8, 12]) объяснение этой зависимости состоит в признании ведущей опосредующей роли скорее энергетических, чем информационных факторов (результат деятельности растет медленнее, чем его

⁹ Колоколообразной (инвертированной U-образной) мы называем немонотонную одновершинную *симметричную* кривую. Инвертированной *J*-образной мы называем немонотонную одновершинную *асимметричную* кривую с тенденцией *роста* (левое плечо длиннее, чем правое) или *снижения* (правое плечо длиннее, чем левое).

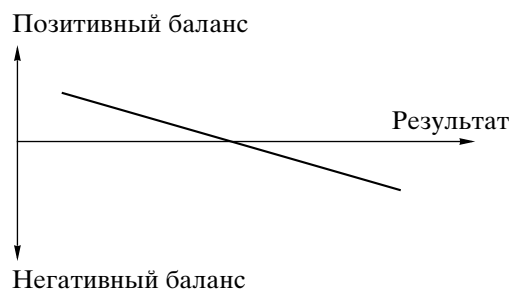

Рис. 2. Обратная линейная зависимость баланса эмоций от результата деятельности при ведущей опосредующей роли энергетических факторов.

“цена”). Ситуация, вызывающая такое соотношение информационных и энергетических факторов может быть описана следующим образом. Растущая сложность и новизна деятельности (ситуации) означает повышение уровня необходимого для ее реализации информационно-когнитивного обеспечения, приобретение которого (освоение деятельности, научение) обычно требует времени. И если в предыдущие периоды времени (например, в период обучения профессии) субъект его не приобрел и сейчас таким временем не располагает, то именно затраты энергии во многих случаях могут взять на себя функцию ведущего средства выполнения деятельности. Иначе говоря, растущая (на ограниченном отрезке времени) сложность и новизна ситуации означает прежде всего рост затрат, требуемых для выполнения деятельности в ней. Это, например, случай, когда работник, получивший (или взявший сам для заработка, карьеры и т.д.) малознакомое и трудное для него, превышающее его квалификацию задание, компенсирует недостаток профессиональной подготовки интенсификацией труда, следствием которой может оказаться ухудшение его эмоционального самочувствия.

В подкрепление линейной энергетической модели можно привести и некоторые другие данные, представляющиеся релевантными рассматриваемому вопросу. Так, склонность к восприятию деятельности как трудных (низкая субъективная вероятность успеха), выполняя функцию мобилизатора энергии и приводя к повышенному ее расходу, может иметь своим следствием (наряду с достаточно высокой продуктивностью этих деятельности) генерализованное чувство безнадёжности и повышенную неудовлетворенность собственной жизнью [19]. Негативный эмоциональный баланс сопровождается также явление так называемого “профессионального выгорания” (professional burnout), которое случается с людьми, глубоко “внутренне-добровольно” вовлеченными в требующую большого расхода сил, прежде всего “психических”, деятельность (кото-

рая при этом может быть когнитивно несложной, а значит достаточно результативной), выполняемую ими достаточно долго [44]. Интересный случай деятельности при хроническом перевесе роли энергетических факторов над информационными изучается также под названием “поведение типа А”. Последнее характеризуется большими затратами энергии и высоким темпом. Его результат достигается ценой повышенной активности. Эмоциональный баланс лиц, реализующих такое поведение (им свойственно стремление достичь как можно больше целей в течение короткого времени, склонность к соперничеству, нетерпеливость, торопливость), чаще всего оказывается негативным (тревожно-депрессивные состояния и др.) (см., напр., [25]).

Основой для формирования представления о *нелинейной*, точнее, немонотонной зависимости баланса эмоций от результата деятельности в парадигме “энергия–результат–эмоции” могут послужить модели, касающиеся динамики эмоционально-мотивационно-поведенческих переменных по мере роста выраженности как позитивных, так и негативных аспектов ситуации. В качестве первого из релевантных представлений можно упомянуть модель Н. Миллера [45] (в определенной степени предваренную гипотезой К. Левина [40]), согласно которой по мере приближения¹⁰ к амбивалентному объекту одновременно растет сила поведенческих тенденций приближения и избегания (вследствие увеличения вероятности испытать на себе воздействие как позитивных, так и негативных его свойств), при более быстром росте второй из этих тенденций по сравнению с первой. Это обстоятельство (большая крутизна “негативного” градиента, чем “позитивного”) вместе с различиями в характере кривизны монотонных кривых этих переменных дает немонотонную одновершинную кривую (рост с последующим падением) результирующей тенденции, понимаемой как разность между первичными переменными. Подобное представление лежит в основе интерпретации данных о том, что растущее предпочтение бездействию одинаково с ним награждаемого действия наблюдается при росте трудности последнего только до определенного уровня. Дальнейший рост трудности действия и необходимых для его выполнения усилий вызывает инверсию предпочтений [53]. За такой немонотонной динамикой привлекательности–непривлекательности действия, по предположе-

¹⁰ Имеется в виду приближение как уменьшение расстояния, и как увеличение степени сходства воспринимаемого в данный момент объекта с некоторым эталонным амбивалентным объектом. Легко заметить, что первое понимание является частным случаем второго – приближение к амбивалентному объекту представляет собой последовательность меняющихся ситуаций, все более похожих на конечную (субъект рядом с объектом).

нию исследователей, стоят две более простые тенденции, из которых одна (рост приятного чувства, связанного с удовлетворением потребности в активности) доминирует на первых стадиях процесса, а вторая (рост неприятного чувства, связанного с неоправданно большими усилиями) – на последующих.

Сходная логика реализована в модели, разработанной Д. Берлайном [17, 18], который использовал в качестве независимых переменных параметры объекта типа сложности и новизны. “Позитивную” и “негативную” зависимые переменные он обозначил как активность системы первичного подкрепления (награды) и активность авersiveивой системы (наказания). Результирующая зависимая переменная описывалась в таких терминах как эмоциональный тон¹¹, привлекательность, заинтересованность и др.¹² Ч.Д. Спилбергер и Л.М. Старр [54] применили модель Берлайна для анализа исследовательского поведения, как опосредованного эмоциями интереса (любопытства) и тревоги, соотношение которых (они называют его гедоническим тоном, или чистым удовольствием–неудовольствием) обуславливает характер разрешения мотивационного конфликта “приближение–избегание”. К. Кумбс и Дж. Аврунин [21] попытались придать моделям обсуждаемой категории наиболее универсальный и формализованный характер, связав их с любыми односторонне изменяющимися с течением времени положительно- и отрицательно-значимыми свойствами любых объектов и явлений (good and bad attributes), позитивные и негативные аспекты реакции на которые (тенденции приближения и избегания; адаптация к “плохому” и насыщение “хорошим”) результируются при определенных формальных условиях в немонотонной “одновершинной функции предпочтения”.

Представленная на рис. 3 модель, будучи построенной на основе приведенных нелинейных моделей привлекательности–предпочтения, кажется нам достаточно адекватной для изучения проблемы зависимости связанных с выполняемой деятельностью эмоций (позитивных, негативных и их баланса) от односторонне изменяющихся

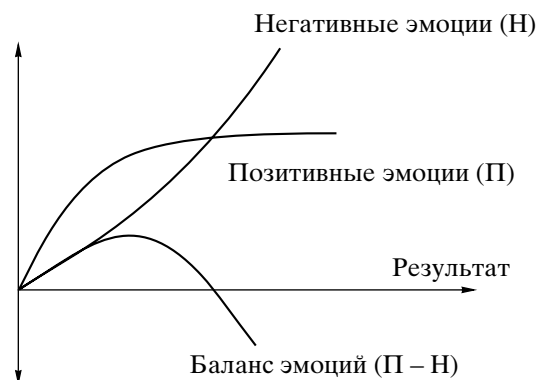

Рис. 3. Нелинейная зависимость эмоций от результата деятельности при ведущей опосредующей роли энергетических факторов (на основе [18, рис. 8.3 и 8.4; 21, рис. 5] и др.).

результата и цены деятельности¹³ в рамках допущения о ведущей опосредующей роли скорее энергетических, чем информационных факторов, если под этим понимать ситуацию, когда рост результатов деятельности (рост “позитивов”) в ощущении субъекта обеспечивается прежде всего ростом затрат (т.е. ростом “негативов”), что отражается в большей крутизне “негативного” градиента, чем “позитивного”. В таком случае применительно к проблематике “результат деятельности–эмоции” данную модель можно отнести к типу “энергетических”.

Сравнивая рассмотренные в данном параграфе две энергетические модели – линейную (рис. 2) и нелинейную (рис. 3), – можно отметить, что падающий линейный тренд динамики эмоционального баланса по мере роста результатов деятельности в теоретически и эмпирически обоснованной нелинейной модели (движение от плюсовой части “одновершинной функции предпочтения” к минусовой) согласуется с соответствующей эмпирическим данным и “здоровому смыслу” линейной моделью. Иначе говоря, нелинейная модель в данном случае не столько отрицает линейную модель, сколько обогащает ее, позволяя среди прочего интерпретировать противоречащие последней эмпирические данные как предположительно обусловленные ограниченными возможностями линейных статистик, с помощью которых они были получены. Например, приведенные в некоторых публикациях данные об отсутствии линейной связи между поведением типа “А” и эмоциональным балансом индивида (см., напр., [29]), возможно были бы иными при использовании авторами, получившими их, исследовательских программ, опирающихся на нелинейные модели,

¹¹ Берлайн [17] связал свою модель с популярной кривой В. Вундта [4], изображающей влияние интенсивности стимула на эмоциональный тон (удовольствие–неудовольствие) вызванного им ощущения.

¹² Ранее модель Д. Берлайна была использована нами [7] для построения модели, представленной на рис. 1. При этом вектор независимой переменной рассматривался как ориентированный в противоположном направлении, с тем чтобы выразить не рост, а падение сложности и новизны ситуации по мере ее освоения субъектом (развитие, рост “информационного” фактора), обуславливающего уменьшение количества необходимых для осуществления деятельности затрат и все большую эффективность этой деятельности.

¹³ Сходные по смыслу переменные фигурируют в некоторых примерах, приведенных в работе Кумбса и Аврунина [21].

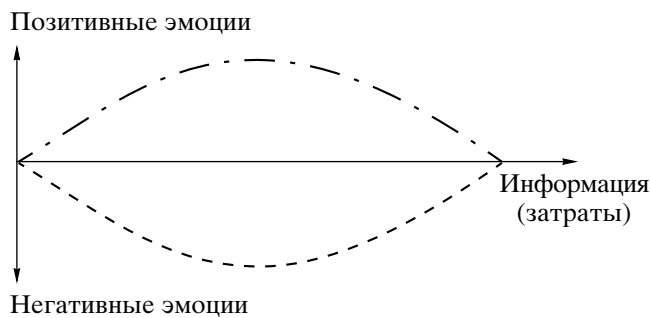

Рис. 4. Колоколообразная зависимость позитивных и негативных эмоций от имеющейся у субъекта информации (и определяемых ею необходимых для выполнения деятельности затрат).

и применении ими соответствующих нелинейных статистик. Ведь даже сравнительно небольшое отличие двух выборок по среднему уровню выраженности поведения такого типа (в одной выборке по сравнению с другой несколько меньше лиц с низким уровнем независимой переменной и несколько больше лиц с ее высоким уровнем) может обусловить такое их взаимное расположение на оси X нелинейной модели (рис. 3), что в одной из них линейная связь между указанными переменными будет обратной (зона выборки сдвинута на некоторую величину в правую сторону относительно середины оси X), а в другой – нулевой (зона выборки находится в средней части оси X, где кривая баланса является симметричной).

Однако существуют основания утверждать, что рассматриваемая нелинейная модель также не является достаточно полной, поскольку, учитывая одни, она не учитывает некоторые другие релевантные рассматриваемой проблеме и, в не меньшей степени, теоретически и эмпирически обоснованные представления, получившие в последние десятилетия известность. Мы имеем в виду концепции типа разработанной П.В. Симоновым (эмоция как мультипликативная функция величины потребности и субъективной вероятности ее удовлетворения – см., напр., [14]), из которых следует предположение “колоколообразной” зависимости уровня переживания эмоций от количества релевантной ситуации информации (рис. 4): как при крайне малом (очень трудная деятельность, требующая *чрезвычайных затрат*), так и в случае предельно большого количества имеющейся у субъекта информации (очень легкая деятельность, требующая *весьма малых затрат*) эмоциональные переживания должны быть слабее и реже, чем в промежуточных зонах шкалы независимой переменной¹⁴.

¹⁴ Более подробно об этом применительно к рассматриваемой проблеме см. в [7].

Этому соответствуют, например, известные данные о том, что максимально эмоциогенными (как в позитивном, так и негативном аспектах) являются деятельности промежуточных уровней трудности, а равнодушным человека оставляют задачи слишком легкие или слишком трудные для него (см., напр., [15]). А если использовать миллеровское понятие расстояния до значимого для субъекта амбивалентного объекта, то происходящее в двух крайних точках шкалы независимой переменной можно, по нашему мнению, описать следующим образом. Если субъект находится далеко от этого объекта (крайняя левая точка в моделях на рис. 3 и 4), то он может не испытывать сколько-нибудь существенных эмоций по той причине, что “добро” в этом случае слишком недоступно, чтобы возбудить положительные эмоции, а для “зла” он сам слишком недоступен, чтобы оно могло возбудить его отрицательные эмоции. Если субъект оказался рядом с амбивалентным объектом (крайняя правая точка в модели на рис. 4, а в модели на рис. 3 эта точка, в нашем ее понимании, отсутствует¹⁵), то он также может не испытывать ни позитивных, ни негативных эмоций. В первом случае “добро” рядом – протяни руку и возьми, а значит нет “смысла” (эволюционно-адаптивного) радоваться или испытывать какие бы то ни было стремления относительно него – возникает состояние *спокойной* готовности действовать. Во втором – “зло” рядом, его не избежать (“протянет руку и возьмет тебя”), а значит нет “смысла” пытаться это делать, как и по этому поводу огорчаться, бояться или злиться – возникает состояние *апатичной* готовности к бездействию. Если такого рода представления являются верными, то кривые позитивных и негативных эмоций (а вслед за ними и зависящая от них кривая эмоционального баланса), показанные на рис. 3, должны в некоторых критических точках сменить направление своей динамики: тенденция роста должна смениться тенденцией падения – движением к оси X в точку эмоциональной индифферентности, например, как это показано на рис. 5.

Полученная в результате проведенных рассуждений модель зависимости основных измерений эмоций от результата деятельности при ведущей опосредующей роли энергетических факторов (*эн-модель*) содержит следующие кривые для трех рассмотренных измерений эмоций: две одновершинные асимметричные кривые для положительных и отрицательных эмоций, а также синусоидальную кривую для эмоционального баланса, линейный тренд которой (движение от плюсовой

¹⁵ В понимании же Н. Миллера и др. в крайней правой точке этой модели (рис. 3) – субъект рядом с амбивалентным объектом – сила тенденций приближения и избегания, как и соответствующих эмоций, является максимальной.

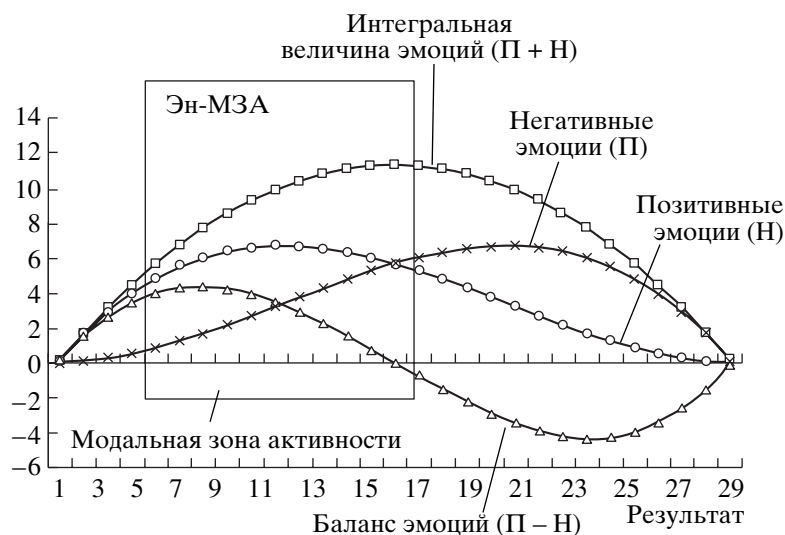

Рис. 5. Эскиз модели зависимости основных измерений эмоций от результата деятельности при ведущей опосредующей роли энергетических факторов (“эн-модель”).

части синусоиды к минусовой) согласуется с линейной (рис. 2) и нелинейной (рис. 3) моделями¹⁶. Что касается (четвертого) измерения интегральной величины эмоций, то из вышеуказанного аддитивного его понимания следует симметричная колоколообразная кривая¹⁷. В построенной таким образом энергетической модели ось X, очевидно, представляет собой ту часть результата деятельности, кото-

рая зависит от сил, усилий, стараний, иначе говоря, его “затратную” часть.

Можно полагать, что так же, как и в случае ин-модели, независимая переменная эн-модели имеет зоны, не в одинаковой степени типичные для реальной жизнедеятельности людей. Участок модели, на котором рост результатов деятельности сопровождается падением позитивных и негативных эмоций (рис. 5, зона 21–29), и который отличает предложенную модель от моделей привлекательности–предпочтения (Миллер, Берлайн и др.) (рис. 3), по нашему мнению, соответствует процессам, нечасто наблюдаемым в “нормальной” жизни и сравнительно редко становящихся предметом исследований в теоретической и экспериментальной психологии. На этом участке, вероятно, имеет место процесс нейтрализации эмоций, являющийся следствием превышения верхних пороговых значений такими параметрами деятельности и ситуации, как их сложность и новизна для субъекта, и отвечающими этим параметрам требованиями к уровню усилий, степени интенсивности активности, порождаемой ими усталости и т.д.

Такому случаю “запредельного” роста указанных параметров функционирования человека, мы полагаем, соответствуют, например, данные о динамике эмоций (от негативного эмоционального баланса к апатии) в процессе перехода из депрессивного в *глубокое* депрессивное состояние в рамках динамики реактивной депрессии (см. [47]), которая, по мнению многих авторов (см., напр., [10, 35]), в значительной степени связана со снижением уровня контроля индивида над сложившейся ситуацией и уровня ориентации в ней, достигающим степени, порождающей ощущение огромной диспропорции между наличными и требуемыми для решения проблем ресурсами. Об

¹⁶ Немонотонность кривых отрицательных и положительных эмоций является тем главным, что отличает наши модели (ин-модель на рис. 1 и эн-модель на рис. 5) от моделей привлекательности–предпочтения Миллера, Берлайна и др. (рис. 3). В основе этих различий, мы полагаем, могут лежать различия в представлениях относительно характера связи между эмоциями и теми ценностями, которые в них отражаются. Большинство современных исследователей исходят из признания оценочной функции эмоций (см., напр., [3, 22, 31, 39]), но далеко не все из них (к ним, видимо, относятся и указанные авторы) в своих исследованиях реализуют представление о том, что эмоциональная оценка ценностей (и связанное с ними поведение) корректируется их достижимостью настолько, что кривая зависимости величины эмоции (и мотивации–поведения – см., напр., [15]) от величины ценности (при некоторых условиях, таких, например, как обратная связь между ценностью и ее достижимостью, которые обычно в жизни выполняются) может приобрести немонотонный одновершинный характер. Подчеркнем еще раз, что речь здесь идет об измерениях эмоционально отрицательных и положительных эмоций, а не об эмоциональном балансе, в связи с которым немонотонная одновершинная кривая, начиная с Вундта [4] (по утверждению Берлайна [18] истоки такого представления можно найти в древнегреческой философии), нередко упоминается в литературе по эмоциям. Что же касается эмоционального баланса, то в наших моделях, в отличие от упомянутых, кривые этого измерения являются не одновершинными, а двухвершинными (синусоидальными – с положительной и отрицательной вершинами) и включают в себя (в терминах Кумбса и Авруни-на) как “одновершинную функцию предпочтения”, так и “одновершинную функцию избегания” (соответственно плюсовая и минусовая части синусоиды).

¹⁷ Подробнее об этом измерении см. в [7, 8].

этом говорят не только клинические данные, но и эксперименты по проблеме “выученной беспомощности” с участием как животных, так и людей, показавшие, что ощущение значительного снижения контроля над ситуацией может вести к депрессивному состоянию с признаками апатии и отсутствия энергии [51].

Сходную информацию несут данные о том, что в отличие от характеризующегося доминированием отрицательных эмоций отношения к превышающей возможности субъекта трудной задаче, отношение к задаче *крайней* степени трудности (требующей чрезвычайных затрат времени и сил) часто является аэмоциональным (см., напр., [52]): в такой ситуации субъективная уверенность в том, что неудача закономерна, “гарантирована”, а успех может быть только случайным, порождающая ощущение, что “овчинка выделки не стоит”, снижает вероятность возникновения как отрицательных, так и положительных эмоций, приводя к равнодушию и апатии. Как показывают некоторые исследования, повышение степени трудности решаемых задач от сравнительно низкого до “запредельного” уровня может обусловить эмоциональную динамику в виде секвенции следующего рода: надежда—гнев—отчаяние—апатия (см. [49]). Принятие во внимание закономерностей рассмотренного типа дает, как нам кажется, дополнительные (к вышеприведенным соображениям) основания для преобразования монотонных “позитивных” и “негативных” кривых моделей привлекательности—предпочтения (рис. 3) в немонотонные одновершинные кривые, а также “реформирования” занимающей центральное место в этих моделях одновершинной функции предпочтения в полноценную синусоиду (рис. 5)¹⁸.

Относительно модальной популяции представляется достаточно правдоподобным, что большинство обычных людей, функционирующих в нормальных условиях, решает основные жизненные проблемы при затрате на деятельность такого количества энергии (скорее умеренного, чем большого), которое приблизительно соответствует показанной на рис. 5 модальной зоне активности (Эн-МЗА). Причины такой локализации Эн-МЗА вытекают из тех же соображений, которые были реализованы в случае Ин-МЗА. Для нормального поддержания жизни в ее организменном, психическом и социальном аспектах, а тем более для своего развития, человек ищет (и в

норме находит) возможность выполнять в большинстве жизненных ситуаций такие деятельности, которые являются для него ни слишком легкими, ни слишком трудными, но при этом скорее легкими, чем трудными (что обеспечивает преобладание успехов над неудачами). Поэтому у него и возникает стремление затрачивать на их выполнение не слишком большие усилия. Для так понимаемой МЗА эн-модели характерны следующие гипотетические кривые динамики эмоций по мере роста результата деятельности, обеспечиваемого не столько информационными, сколько энергетическими факторами: монотонная восходящая кривая для отрицательных эмоций; колоколообразная кривая для положительных эмоций; инвертированная *J*-образная кривая с тенденцией *снижения* для баланса положительных и отрицательных эмоций (валентности); инвертированная *J*-образная кривая с тенденцией *роста* для интегральной величины эмоций (эмоциональной активации).

Сравнение кривых модальной зоны активности нашей модели (рис. 5) с кривыми моделей привлекательности—предпочтения (рис. 3) показывает, что применительно к эмоциональному балансу и отрицательным эмоциям существенных различий между моделями нет. В отношении положительных эмоций некоторые различия имеются. В моделях привлекательности—предпочтения кривая положительных эмоций монотонна, тогда как у нас она является немонотонной одновершинной. И если в моделях привлекательности—предпочтения немонотонность кривой баланса обуславливается различиями в характере кривизны монотонных кривых отрицательных и положительных эмоций (две монотонные кривые дают третью — немонотонную), то в нашем случае (в границах МЗА) она обусловлена прежде всего немонотонностью кривой положительных эмоций. Из результатов проведенного сравнения видно, что предлагаемая в работе энергетическая модель не столько отрицает модели привлекательности—предпочтения, сколько развивает их, сужая при этом границы их применимости до модальной популяции индивидов и корректируя некоторые детали.

“ИН-МОДЕЛЬ” И “ЭН-МОДЕЛЬ”: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Основным признаком, дифференцирующим информационную (рис. 1) и энергетическую (рис. 5) модели, является направление вектора соотношения информационного и энергетического факторов в детерминации результата деятельности. В ин-модели это соотношение растет в пользу информационного фактора, тогда как в эн-модели — нарастает в пользу энергетического фактора. Иначе говоря, направление вектора эффективно-

¹⁸ Принятие же во внимание закономерностей типа “запредельного торможения” [13] позволило бы, вероятно, осуществить такую же “реформу” по отношению к вышеупомянутой кривой Вундта [4]. В этом случае достижение стимулом пороговой интенсивности вызывает ослабление и исчезновение как самого ощущения (не учтенная в модели Вундта правая ветвь колоколообразной кривой, изображающей динамику ощущения по мере роста силы раздражителя — см., напр., [55, С. 181]), так и его эмоциональной окраски (правая крайняя часть синусоиды).

сти деятельности в этих двух случаях является противоположным¹⁹. В одном и другом случае вектор независимой переменной выражает рост результата деятельности, однако в случае информационной модели его рост означает рост эффективности как рост позитивного баланса “приобретений” и “потерь”, тогда как в случае энергетической модели мы фактически имеем рост негативного баланса “приобретений” и “потерь”. Другими словами, в последнем случае *при росте результата деятельности* (“росте приобретений”) наблюдается *падение ее эффективности* (вследствие еще более быстрого роста “потерь”). Здесь рост результата деятельности является “затратным”. Отсюда противоположность в линейных трендах динамики баланса позитивных и негативных эмоций. В ситуации доминирующего информационного обеспечения деятельности он имеет тенденцию улучшаться, тогда как в ситуации доминирующего энергетического обеспечения деятельности – ухудшаться. За этой противоположностью в линейных трендах баланса стоит противоположность нелинейной синусоидальной динамики этого измерения: падение–рост–падение (от минусовой половины синусоиды к плюсовой) в ин-модели и рост–падение–рост (от плюсовой половины синусоиды к минусовой) в эн-модели. А указанные варианты немонотонной динамики баланса, в свою очередь, имеют разные соотношения одновершинных кривых позитивных и негативных эмоций, противоположных друг другу по характеру асимметричности. Кривые же эмоциональной активации в обеих моделях имеют сходную симметричную, колоколообразную форму.

Что касается *модальных зон активности*, то несмотря на разное их положение на оси *результата* в информационной и энергетической моделях (Ин-МЗА сдвинута в правую сторону, а Эн-МЗА – в левую относительно средней точки), можно констатировать их сходное положение на континууме уровней *затрат* – в обоих случаях эти зоны находятся на сдвинутом в сторону низких значений отрезке указанного континуума. Если в целой модели противоположность в линейных трендах, обусловленная положением вершин

¹⁹ Это обстоятельство делает возможным переход от одной модели к другой посредством поворота вектора независимой переменной на 180°. Если вектор независимой переменной энергетической модели повернуть на 180°, с тем чтобы в соответствии с парадигмой “информация–результат–эмоции” и в противоположность парадигме “энергия–результат–эмоции” он выражал не рост затрат на выполнение деятельности, обуславливающий рост результата, а их относительное падение, связанное с ростом когнитивного потенциала субъекта, что обеспечивает повышение эффективности, то полученная модель станет похожей на описанную в предыдущем разделе информационную модель (рис. 1). Операция же поворота на 180°, осуществленная с последней, даст энергетическую модель.

кривых, характерна для динамики позитивных и негативных эмоций и их баланса (вершины кривых негативных эмоций и негативного баланса расположены в левой зоне ин-модели и правой зоне эн-модели, а вершины кривых позитивных эмоций и позитивного баланса – наоборот), то в модальных зонах активности такое различие можно отметить для асимметричных одновершинных кривых эмоционального баланса и эмоциональной активации, за которыми стоит противоположность в линейных трендах монотонных кривых негативных эмоций. В случае кривых позитивных эмоций существенные различия отсутствуют – в МЗА обеих моделей они имеют близкую к симметричной колоколообразную форму. Иначе говоря, основным аффективным признаком, дифференцирующим информационную и энергетическую модели в области МЗА, является динамика негативных эмоций, определяющая динамику двух производных измерений баланса и активации; позитивные же эмоции в этих двух случаях “ведут себя” сходным образом.

СООТНОСИТЕЛЬНЫЙ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ “ВЕС” ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛЕЙ

Из необходимости одновременного участия информационного и энергетического факторов в обеспечении любой деятельности следует учитывать одновременно две модели – информационную и энергетическую – при изучении зависимостей “результат–эмоция” на материале любых деятельностей и любых субъектов этих деятельностей. Ин-модель касается разных степеней (этапов) освоения деятельности, или разных уровней способностей и опытности субъекта, которые определяют максимально возможный при оптимальных условиях (в том числе энергетических) результат выполнения деятельности. Эн-модель касается количества затрат, которое на каждом из этих этапов (уровней) может изменять уровень выполнения деятельности, уровень ее результата от нуля до максимума. Фактически ось X ин-модели – это ось “информации” как потенциального фактора результативности деятельности, тогда как ось X эн-модели – ось “энергии” как потенциального фактора результативности. Эмоциональные кривые также имеют потенциальный характер. А реальный (“кинетический”) характер все эти переменные приобретают только при совместном действии обоих детерминирующих выполнение деятельности факторов.

Однако факт совместного участия информационного и энергетического факторов в обеспечении любой деятельности не означает их “равенства”. Представляется почти очевидной необходимость исходить из того, что ведущей в

детерминации результата большинства “нормальных” деятельности является роль информационного фактора. При ведущей роли энергетического фактора (“расходы” растут быстрее, чем “доходы”) невозможно было бы не только “расширенное”, но даже “простое воспроизводство” субъекта. Иначе говоря, желающий иметь перспективу (или хотя бы просто выжить) субъект (в том числе и социум) в более или менее нормальных условиях функционирования должен “ставить” скорее на информацию, чем на энергию. Ситуации, требующие деятельности с обратным соотношением факторов, представляются существенно более редкими. Ведущее, или даже решающее значение энергетические факторы могут иметь в жизни человека (и общества) лишь в некоторых специфических (экстремальных) обстоятельствах. Приведенные соображения объясняют вышеупомянутый факт значительно большего количества обнаруживаемых в исследованиях прямых связей удовлетворенности деятельностью с ее результатами, чем обратных. Отсюда следует относительно больший объяснительный “вес” информационной модели в сравнении с энергетической применительно к большинству обычных людей, функционирующих в обычных условиях (“функциональное большинство”). Для “особых” же деятельности, выполняемых в “особых” условиях и/или “особыми” людьми (принадлежащими к “функциональным меньшинствам”, например, категории субъектов поведения типа А), “вес” энергетической модели может быть относительно большим.

ВОЗМОЖНОСТЬ РАСШИРИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ

Наряду с реализованным в статье собственно деятельностью пониманием независимых переменных рассмотренных моделей представляется возможным их расширительное толкование как связанных с одновременной динамикой позитивной и негативной значимости для субъекта широкого класса объектов и явлений²⁰ – разнообразных форм индивидуального “добра и зла”. Ин-модель была бы релевантной случаям, когда рост позитивной значимости объекта сопровождается падением (или более медленным ростом) его негативной значимости. Эн-модель касалась бы случаев, когда рост позитивной значимости объекта сопровождается опережающим ростом его негативной значимости.

Такой подход может быть реализован, например, во все более популярной в последние десяти-

летия проблематике “субъективного благополучия” (*subjective well-being*), где широко изучаются такие его факторы, как материальная обеспеченность, место жительства, работа, безработица, семья, друзья, досуг, хобби, помощь другим людям, групповые нормы, уровень свободы и т.д. (см., напр., [1, 38]). Возьмем для иллюстрации проблеме индивидуальной свободы, которая, как и другие элементы жизни типа вышеуказанных, характеризуется амбивалентностью: давая простор достижениям и приобретениям, свобода может одновременно нести в себе опасность неудач и потерь. В свете некоторых результатов исследований в психологии субъективного благополучия и психологии свободы (см., напр., [11]) осмысленными кажутся следующие предположения. Ин-модель, по нашему мнению, могла бы помочь в описании ситуации “натурального” роста свободы индивида в процессе его благоприятного интеллектуального и личностного развития, которое, как можно полагать, характеризуется разнонаправленным соотносительным изменением потенциальных возможностей “добра и зла” (первые имеют тенденцию роста, вторые падают или растут медленнее, чем первые), создающим условия для насыщенной позитивными эмоциями свободной деятельности. Рост положительных эмоций, однако, согласно модели, не обязательно до “конца” сопровождает рост свободы – может наступить момент необходимости “инструментализации”, “децентрации” деятельности, в которой человек начинает чувствовать себя “слишком” свободным, свободным до скуки. Наиболее верное переключение на деятельность более высокого уровня, “назначение” ее на роль “центральной” в системе активности и новое движение от меньшей свободы к большей (экспансия свободы на новые уровни функционирования). Эн-модель представляется адекватной случаям повышения степени свободы (“предоставленной” индивидом другими или “завоеванной” им самим) без обеспечения ее соответствующим повышением уровня субъектного развития, что обуславливает однонаправленный рост потенциальных возможностей “добра и зла” (при опережающей динамике последнего) с наступающей вскоре сменой тенденции стремления к свободе тенденцией “бегства” от нее – свобода становится слишком “дорогой”, чтобы приносить удовлетворение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье описаны две модели зависимости эмоций, связанных с выполняемой деятельностью, от ее результата, которые мы назвали “информационной” и “энергетической”. Первая разработана ранее [7, 8], вторая – предложена в настоящей работе. Основной признак, дифференцирующий их –

²⁰ Напомним, что применительно к моделям типа “привлекательности–предпочтения”, которые мы отнесли к классу энергетических, такого рода расширение было предложено К. Кумбсом и Дж. Авруниным [21].

характер соотносительной регуляционной динамики двух факторов, обобщенно-условно именуемых “информационным” (релевантные данной деятельности способности и опыт субъекта) и “энергетическим” (разного рода затраты, расходы, потери, связанные с ее выполнением). В одном случае рост результата деятельности обеспечивается доминирующим участием информационного фактора при одновременном относительном ослаблении роли энергетических переменных – их участие либо снижается, либо растет медленнее, чем участие информационных переменных. В другом случае рост результата деятельности обеспечивается доминирующим участием энергетического фактора.

Информационная и энергетическая модели характеризуются разными соотношениями немонотонных одновершинных кривых позитивных и негативных эмоций, противоположных по характеру асимметричности, что определяет противоположность нелинейной синусоидальной динамики эмоционального баланса (падение–рост–падение в первой модели и рост–падение–рост во второй) и, как следствие, противоположность в линейных трендах этого измерения. В информационной модели по мере роста результата деятельности баланс эмоций имеет тенденцию улучшаться, в энергетической же модели – ухудшаться. Кривые эмоциональной активации в обеих моделях имеют сходную симметричную форму. Выделенные в обеих моделях соответствующие особенностям большинства обычных людей, функционирующих в нормальных условиях, модальные зоны активности (МЗА) имеют сходные одновершинные симметричные кривые позитивных эмоций (рост с последующим падением) и отличаются одна от другой характером монотонной динамики негативных эмоций (падение в МЗА ин-модели и рост в МЗА эн-модели), что определяет особенности кривых двух производных измерений баланса и активации, а именно по мере роста результата деятельности уровень эмоциональной активации сначала растет, затем падает с общей тенденцией *снижения* в случае ин-модели и растет, затем падает с общей тенденцией *повышения* в случае эн-модели, тогда как эмоциональный баланс характеризуют противоположные тенденции – рост с последующим падением при общей тенденции *повышения* (улучшения) в случае ин-модели и рост с последующим падением при общей тенденцией *снижения* (ухудшения) в случае эн-модели.

Меньшая типичность случая, описываемого энергетической моделью (“затратный” рост результата в большинстве выполняемых деятельностей, когда “расходы” растут быстрее, чем “доходы”, не позволил бы человеку нормально и стабильно удовлетворять свои потребности), обуславливает то, что при всей необходимости одновременного ис-

пользования моделей обоих рассмотренных типов для изучения влияния результатов деятельности на эмоции, очевидной является ведущая объяснительная роль информационной модели применительно к большинству обычных людей, функционирующих в обычных условиях. Изучение популяций иного рода, например, людей, действующих в экстремальных обстоятельствах, может требовать преимущественного учета энергетической модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргайл М.* Психология счастья. М.: Прогресс, 1990.
2. *Веккер Л.М., Палей И.М.* Информация и энергия в психическом отражении // Экспериментальная и прикладная психология. Л.: ЛГУ, 1971.
3. *Вилюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека. М.: МГУ, 1990.
4. *Вундт В.* Основы физиологической психологии. М.: БИ, 1880. Т. 2.
5. *Горбатков А.А.* Структура психической диспозиции и ее позитивно-негативная асимметрия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1981.
6. *Горбатков А.А.* Динамика связи между положительными и отрицательными эмоциями // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 132–140.
7. *Горбатков А.А.* Успешность деятельности и эмоции. Эскиз модели // Мир психологии. 2002. № 4. С. 48–65.
8. *Горбатков А.А.* Модальная зона активности: к проблеме зависимости эмоций от успешности деятельности // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 4. С. 78–92.
9. *Горбатков А.А.* Корреляция и вариация: связь и ее использование для формирования выборок с заданными параметрами коэффициента корреляции // Мир психологии. 2004. № 3.
10. *Изард К.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.
11. *Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 1. С. 15–25.
12. *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983.
13. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Медгиз, 1951.
14. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.
15. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 2.
16. *Argyle M.* The social psychology of everyday life. London, N.Y.: Routledge, 1994.
17. *Berlyne D.E.* Arousal and reinforcement // D. Levine (Ed.), Nebraska symposium on motivation. Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. P. 1–110.
18. *Berlyne D.E.* Aesthetics and psychobiology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971.

19. *Cantor N., Norem J.K.* Defensive pessimism and stress and coping // *Social Cognition*. 1989. V. 7. P. 92–112.
20. *Cattell R.B.* The Scientific Analysis of Personality. Chicago: Aldine, 1966.
21. *Coombs C.H., Avrunin G.S.* Single-peaked functions and the theory of preference // *Psychological review*. 1977. V. 84. P. 216–230.
22. *Cornelius R.R.* The science of emotion: research and tradition in the psychology of emotion. London: Prentice-Hall, 1996.
23. *Costa P.T. Jr., McCrae R.R.* Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992.
24. *Csikszentmihalyi M.* Flow: The psychology of optimal experience. N.Y.: Harper Perennial, 1990.
25. *Cooper C.L., Kirkaldy B.D., Brown J.* A model of job stress and physical health: The role of individual differences // *Personality and Individual Differences*. 1994. V. 16. P. 653–655.
26. *Dembo M.H.* Applying Educational Psychology. N.Y.: Addison Wesley Longman Inc., 1994.
27. *Digman J.M.* Personality structure: Emergence of the five-factor model // *Annual Review of Psychology*. 1990. V. 41. P. 417–440.
28. *Digman J.M.* Higher-order factors of the big five // *J. of Personality and Social Psychology*. 1997. № 73(6). P. 1246–1256.
29. *Dua J.* The role of negative affect and positive affect in stress, depression, self-esteem, assertiveness, type A behaviors, psychological health and physical health // *Genetic, Social & General Psychology Monographs*. 1993. V. 119(4). P. 517–553.
30. *Duffy E.* The psychological significance of the concept of “arousal” or “activation” // *The Psychological Review*. 1957. V. 64. P. 265–275.
31. *Ekman P., Davidson R.J.* (Eds.) *Natura emocji. Podstawowe zagadnienia*. Gdansk: GWP, 1999.
32. *Gollwitzer P.M., Bargh J.A.* (eds.) *The psychology of action: Linking cognition and motivation to behavior*. N.Y.: The Guilford Press, 1996.
33. *Gorbatkow A.A.* Rozwój jednostki a współzależność emocji pozytywnych i negatywnych // *Z. Łoś, A. Oleszkowicz* (eds.) *Rozwój człowieka i jego zagrożenia w świetle współczesnej psychologii*. Wrocław-Lubin: Linea, 1997. P. 50–69.
34. *Hebb D.O.* Drives and the C. N. S. (conceptual nervous system) // *Psychological Review*. 1955. № 62. P. 243–254.
35. *Huflejt-Łukasik M.* Depresja – wybrane modele teoretyczne // *Nowiny psychologiczne*, 1999, № 1. P. 5–20.
36. *Iaffaldano M.T., Muchinsky P.M.* Job satisfaction and job performance: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 1985. V. 97. P. 251–273.
37. *Inhelder B., Piaget J.* *Od logiki dziecka do logiki młodzieży*. W.: PWN, 1978.
38. *Kahneman D., Diener E., Schwarz N.* (eds.) *Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology*. N.Y.: Russell Sage, 1999.
39. *LeDoux J.* The emotional brain. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
40. *Lewin K.* A dynamic theory of personality. N.Y.: McGraw-Hill, 1935.
41. *Lindzey G., Hall C.S.* *Teorie osobowosci*. W.: PWN, 1994.
42. *Łukaszewski W.* Zwrotne informacje o wyniku czynności // *Psychologia czynności. Nowe perspektywy* / Eds. I. Kurcz, D. Kadzielawa. W.: Scholar, 2002. P. 84–99.
43. *Madsen K.B.* *Współczesne teorie motywacji*. W.: PWN, 1980.
44. *Maslach C.* A multidimensional theory of burnout // *Theories of organizational stress* / Ed. C.L. Cooper. N.Y.: Oxford University Press, 1998. P. 68–85.
45. *Miller N.E.* Liberalization of the basic S-R concepts: Extensions to conflict behavior, motivation, and social learning // *Psychology: A study of a science* / Ed. S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill, 1959. P. 198–292.
46. *Podsakoff P.M., MacKenzie S.B., Bommer W.H.* A meta-analysis of the relationship between Kerr and Jermier's substitutes for leadership and employee job attitudes, role perceptions and performances // *J. of Applied Psychology*. 1996. V. 81. P. 380–399.
47. *Puzynski S.* *Depresje i zaburzenia afektywne*. W.: PZW, 1996.
48. *Robbins S.P.* *Zachowania w organizacji*. Warszawa: PWE, 1998.
49. *Rodriges-Hanley A., Snyder C.R.* The demise of hope: on losing positive thinking // *Handbook of hope. Theory, measures and applications* / Ed. C.R. Snyder. San Diego: Academic Press, 2000. P. 39–56.
50. *Rothbacher F.* Die subjektive und sozialpsychologische dimension in der Geschichte der empirischen sozialforschung // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1990. V. 3. P. 525–546.
51. *Seligman M.* *Optymizmu można się nauczyć*. Poznań: Media Rodzina of Poznań, 1993.
52. *Sędek G.* *Bezradność intelektualna w szkole*. W.: IP PAN, 1995.
53. *Singh D., Query W.T.* Preference for work over “free-loading” in children // *Psychonomic Science*. 1971. V. 24. P. 77–79.
54. *Spielberger C.D., Starr L.M.* Curiosity and Exploratory Behavior // *Motivation: Theory and Research* / Eds. H.F. O'Neil Jr., M. Drillings. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 221–243.
55. *Strelau J.* *Psychologia temperamentu*. W.: PWN, 1998.
56. *Strelau J.* Miejsce konstruktów aktywacji w badaniach nad temperamentem // *Przegląd psychologiczny*. 2001. V. 44(3). P. 275–300.
57. *Warr P.* Well-Being and the Workplace // *Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology* / Eds. D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz. N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 392–412.
58. *Zajonc R.B.* Feeling and thinking: Preferences need no inferences // *American Psychologist*. 1980. V. 35. P. 151–175.

“INFORMATIONAL” AND “ENERGETIC” MODELS OF INFLUENCE OF FUNCTIONING RESULTS ON EMOTIONS

A. A. Gorbatkov

Cand. sci. (psychology), senior lecturer, Institute of pedagogy and psychology, Sventokshiska Academy, Kielce, Poland

Two models for influence of functioning results on emotions are represented. These models are mediated by two groups of factors so called “informational” and “energetic” ones. These models differ from each other by ratio of unmonotonous asymmetrical curves of positive and negative emotions. Considered dependences determine opposition of nonlinear sinusoidal dynamics of emotional balance with growth by functioning results (fall–growth–fall in the first model and growth–fall–growth in the second one) and mutual resemblance of emotional activation curves. In the models modal zones of activity are allocated. Activity zones correspond with features of most of actions, realizing under ordinary conditions. Mentioned zones are characterized by similar bell-shaped curves of positive emotions and opposite in shape curves of another three emotional dimensions: monotonous curves of negative emotions (accordingly, descending and ascending) and inverted J-shaped curves of emotional activation (accordingly, with descending and ascending tendencies) and emotional balances (accordingly, with ascending and descending tendencies). Some aspects of described models concerning research are considered.

Key words: emotions, effectiveness of functioning, informational and energetic models.